

— Тебе приятно?

Шань Циншань тихо отозвался, и его вид был куда холоднее, чем мгновение назад.

— Если приятно, почему молчишь?

В игривых, чувственных глазах Чжоу Чуна заплясали смешинки. Он легонько ущипнул Шань Циншаня за щеку:

— Маленький немой?

Шань Циншань смахнул его руку, поднялся с кровати и начал одеваться. Его движения были даже более решительными и безразличными, чем у случайного партнера по постели.

Чжоу Чун на мгновение замер в замешательстве.

Мы ведь любовники, верно?

Чжоу Чун встал, хотел взять вчерашнее банное полотенце, но, взглянув на него, понял: пользоваться им нельзя. Он переключился на собственные брюки, натянул их как попало — ремень даже не застегнул, так и оставил висеть на бедрах — и поплелся следом в ванную.

— Не хочешь еще поспать?

— У меня съемки. — Голос Шань Циншаня звучал немного хрипло, очень соблазнительно.

Чжоу Чун нахмурился, обнял его со спины и, положив подбородок на его плечо, выразил свое недовольство:

— Опять не предупредил? Надолго в этот раз?

— На месяц.

— Так надолго? Неужели поэтому ты со вчерашнего дня такой ласковый? Оказывается, загодя задабривал. Ну что, наелся мой малыш Циншань?

— Перестань, дай умыться.

Чжоу Чун прислонился к стене:

— Вернешься как раз к Празднику середины осени, а там и мой день рождения. Поедешь со мной к родителям?

Шань Циншань замер, не закончив умываться.

— Нет.

Ответ был таким категоричным, что Чжоу Чуну стало больно. Это был не первый отказ. Уже в который раз.

Они были вместе три года, и родители Чжоу Чуна знали о Шань Циншане. Старики часто приглашали его в гости, на ужин, но Шань Циншань ни в какую не соглашался. Не хотел знакомиться с семьей, не хотел выставлять их отношения напоказ. За три года он так и остался его тайным любовником. Даже если папарацци делали снимки, их называли просто хорошими друзьями.

Черт возьми, как же это бесило. Сердце сжималось от досады.

Чжоу Чун был богатеньким наследником, чья семья копила состояние поколениями; он был настолько влиятелен, что это приводило в ярость. В кругах Пекина его называли кронпринцем. С самого детства он не знал страха. Казалось, Шань Циншань был послан судьбой, чтобы умирить его. Чжоу Чун влюбился в него с первого взгляда и целый год упорно добивался, прежде чем они начали встречаться. Прошло уже четыре года, но Шань Циншань так и остался холодным.

Неужели он так и не смог растопить сердце Шань Циншаня?

Мысль, посещавшая его бесчисленное количество раз, снова всплыла в сознании, обвила сердце, словно лиана, и причинила острую боль.

— Ты что, не любишь моих родителей? — спросил Чжоу Чун.

— Нет.

— Значит, не любишь меня?

— Не задавай таких бессмысленных вопросов.

Он не стал отрицать. Лицо Чжоу Чуна помрачнело.

Шань Циншань вышел из ванной, переоделся и спустился вниз. Даже не позавтракав, он встал

у двери, чтобы обуться. Обулся, но не сдвинулся с места. Стоял в прихожей и смотрел вверх, на Чжоу Чуна.

Чжоу Чун продержался три секунды, тяжело вздохнул и, смирившись, пошел к нему. Он презирал себя за то, что оказался таким влюбленным дураком. Настолько, что ему даже не нужно было слов Шань Циншаня — стоило тому просто посмотреть на него, и Чжоу Чун чувствовал себя так, будто его взяли за самое больное место: хотелось и силой подчинить его, и сдаться самому.

И сейчас он сдался. Ничего не попишешь. С Шань Циншанем он всегда был бессилен.

Ничего страшного. Влюбленность — лучшее приданое для мужчины. Он, Чжоу Чун, — бог влюбленных дураков Древней Греции.

— Не хочешь ехать к моим родителям, а здесь стоишь, ждешь, пока я тебя поцелую? Тц, ты своего не упустишь, маленький обманщик, что морочит голову и ворует сердца.

— Ты даже ремень застегнуть не можешь.

Шань Циншань протянул руку и застегнул ремень, который болтался на Чжоу Чуне битый час. Тот опустил голову, глядя на него с улыбкой:

— Опять винишь меня? Ну, это не моя вина. Ремень — вещь солидная, сам ищет того, кто его расстегнул, чтобы тот и отвечал.

Шань Циншань проигнорировал его болтовню и слегка приподнял подбородок.

— Будешь целовать или нет?

У них всегда был прощальный поцелуй. Эту привычку Чжоу Чун привил ему с большим трудом, не отступая ни на шаг. Чжоу Чун подумал: малыш Циншань сейчас выглядит так, будто сам просит поцелуя. Он наклонился, но в последний момент передумал:

— Не буду. Задолжал, пусть будет так. Подержу тебя на крючке, чтобы не забывал обо мне.

Шань Циншань явно не ожидал такого, на мгновение опешив.

— Не будешь?

— Не буду, я тебя уже поймал на крючок.

Шань Циншань опустил глаза, открыл дверь и вышел.

В тот момент Чжоу Чун не знал, что видит его в последний раз в жизни. Так же, как не знал, что через неделю увидит заголовок в газете: Актер Шань Циншань покончил с собой, прыгнув с высоты.

Полиция вызвала Чжоу Чуна на опознание. Он долго стоял перед окровавленным телом, а затем, с ледяным лицом, развернулся и ушел. Полицейские бросились за ним:

— Господин! Если вы не заберете тело, господину Шаню некуда будет вернуться. Его отец отказался забирать его и просил нас кремировать и развеять прах.

Чжоу Чун остановился и обернулся. Его глаза налились кровью, но голос звучал пугающе спокойно, словно он сдерживал безумие:

— Это не Шань Циншань. Я еще кое-что ему задолжал, он не мог покончить с собой. Лицо изуродовано, как вы можете быть уверены? Вы делали тест ДНК или отпечатки пальцев? Нет результатов — никто не будет забирать тело. Мало кто знал о наших отношениях, как вы вообще вышли на меня? Это не он.

— Господин, в телефоне господина Шаня есть ваши совместные фото. Мы выяснили, что за два дня до смерти он вышел из вашей квартиры. Мы провели экспертизу, это точно господин Шань. Пожалуйста, поспособствуйте следствию. Например, не было ли чего-то необычного перед тем, как он ушел?

Необычного? Было ли что-то?

Всё как всегда — холодный, отстраненный. Только перед уходом просил поцеловать его.

— Господин Чжоу?

— Замолчите! — взревел Чжоу Чун. — Я сказал: это! Не! Он!

Чжоу Чун покинул участок. Тело забрали его родители. В это время сам Чжоу Чун названивал восемнадцатому по счету частному детективу, пытаясь найти след Шань Циншаня. Больше никто не хотел с ним связываться. Даже за деньги отказывались, а последний, с кем он говорил, просто назвал его психом. Все знали, что Шань Циншань мертв, только Чжоу Чун отказывался в это верить.

Когда отец Чжоу Чуна вошел в дом, он случайно задел предмет интерьера в прихожей.

— Поставь как было, — сказал Чжоу Чун. — Ему не понравится, если будет криво.

Отец поправил вещь, подошел к сыну и положил перед ним стопку бумаг. Это были банковские выписки.

— Шань Циншань все это время переводил деньги своему отцу, огромные суммы.

Отец достал еще один документ — медицинскую карту.

— У него была тяжелая депрессия. Ты знал об этом?

Тяжелая депрессия? Чжоу Чун взял карту, внимательно прочитал ее и надолго задержал взгляд на имени лечащего врача в конце.

— Я никогда не слышал об этом человеке. Найду для малыша Циншаня кого-нибудь получше.

Отец не выдержал:

— Чжоу Чун! Он мертв!

Чжоу Чун опустил голову и тихо, но упрямо и твердо повторил:

— Нет. Он сказал, что едет на съемки и вернется через месяц. Прошло только полмесяца.

Отец схватил его за воротник и прижал к дивану, но, увидев слезы в глазах сына, не смог вымолвить ни слова. Он медленно разжал руки:

— Он мертв. Прими это как можно скорее.

После ухода отца Чжоу Чун долго сидел в тишине, сжимая в руках медицинскую карту, пока та не помялась. Наконец он поднялся и вытер лицо. Ничего. Если никто не берется за дело, он найдет улики сам. Начнет с дома.

Чжоу Чун обыскал каждый уголок, пока в мусорном ведре не нашел мелко порванную бумагу с почерком Шань Циншаня. Он бережно собрал ее, потратив немало времени, и увидел все целиком. Два слова в центре первой строки обожгли ему глаза. Перед взглядом поплыл туман.

«Предсмертная записка»

Ниже было написано всего две строки, но обе были густо перечеркнуты. С трудом можно было разобрать лишь одно предложение:

Когда мы встретились, шел пятый год моей любви к тебе.

Слезы хлынули потоком. Чжоу Чун рухнул на пол и зарыдал, охваченный невыносимой скорбью.

Шестнадцатый день восьмого месяца по лунному календарю, день рождения Чжоу Чуна. Ясно.

Вернувшись домой после праздника, Чжоу Чун разулся и, сделав пару шагов, пробормотал:

— Малыш, не сердись.

Он поправил криво стоявшие туфли. Собравшись с духом, пошел на кухню, сварил лапшу, поставил ее на стол и, прочистив горло, подражая манере речи Шань Циншаня, произнес:

— Лапша долголетия, как ты и просил.

Чжоу Чун пересел на другую сторону стола, притянул чашку и жадно втянул полный рот лапши.

— Все-таки у тебя, малыш, получается вкуснее всего. Очень вкусно.

Голос его дрогнул. Слезы падали в чашку, смешиваясь с едой, которую он глотал вместе с болью.

Ночь шестнадцатого дня восьмого месяца. В небе висела полная луна.

Смотритель кладбища нашел тело Чжоу Чуна перед могилой Шань Циншаня.

<http://bllate.org/book/21913/2276483>